

18+

Закутайло Егор

Белая ворона в серой шинели

Закутайло Егор

Белая ворона в серой шинели

«Издательские решения»

Егор З.

Белая ворона в серой шинели / З. Егор — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-694607-1

1916 год, Первая мировая. Маттиас Берг, интеллигент и мечтатель, попадает в ад окопов, где убийство стало работой. Чужак среди своих, «белая ворона в серой шинели», он пытается сохранить человечность. Но война не прощает слабости: один страшный выбор делит жизнь на «до» и «после». Дезертирство, плен, трибунал — и вечный вопрос: можно ли остаться человеком, если весь мир требует быть зверем?

ISBN 978-5-00-694607-1

© Егор З.
© Издательские решения

Белая ворона в серой шинели

Закутайло Егор

© Закутайло Егор, 2026

ISBN 978-5-0069-4607-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СЦЕНА: «ПИВО И СОВЕСТЬ»

Ноябрь 1916 года. Где-то под Лансом. Немецкая землянка второго эшелона. 21:00.

Антураж

Землянка – тесный прямоугольник, врытый в землю. Стены укреплены досками от снарядных ящиков. Потолок подпирают кривые брёвна. В углу – печка-«буржуйка», раскалённая до бордового. Воздух спёртый: пахнет мокрой шерстью, махоркой, машинным маслом и кислой капустой из котелков.

На нарах сидят шестеро. Кто-то чистит винтовку, кто-то штопает портянки. В центре, на перевёрнутом ящике из-под патронов, стоит жестяная банка – в неё налит мутный самогон, который здесь гордо называют «шнапсом».

Действующие лица:

· Маттиас Берг – сидит в углу, на единственном табурете (ему кто-то принёс, потому что он «книжный»). На носу очки в тонкой металлической оправе, одно стекло в трещине. В руках – растрёпанная книга. Он читает при свете чадающей свечи.

· Фриц Кёлер – здоровый унтер-офицер из Саксонии, служил до войны мясником. Грубый, но не злой. Именно он «заводит» разговор.

· Эвальд Шмидт – молодой, нервный солдат. Трясутся руки. Пьёт, чтобы забыться.

· Юрген Браун – пожилой резервист, лет сорока, отец троих детей. Молчаливый, смотрит на Берга с лёгкой завистью.

· Бертольд Лемке – ефрейтор, злой, худой. Тот, кто не любит Берга.

Свеча оплыла. Тени на стенах вздрагивали при каждом взрыве где-то далеко, за километр. Фриц Кёлер плеснул себе ещё мутной жидкости в жестяную кружку, крикнул и вдруг устался на Маттиаса.

Белая ворона в серой шинели

– Берг, – голос у Кёлера был низкий, с хрипотцой, словно мясницкий нож точили о камень. – Berg, warum trinkst du nichts?

Маттиас поднял глаза от книги. С минуту он смотрел на Кёлера так, будто переводил взгляд с одного мира в другой.

– Ich will nicht, danke, Fritz.

– «Er will nicht», grinste Lemke aus der Ecke, ohne den Kopf von seinem Gewehr zu heben.

– Он книжки читает. Denkt если Гёте выучит, пуля мимо пролетит.

Шмидт нервно хихикнул. Кёлер нахмурился.

– Дело не в Гёте, – Кёлер поднялся, шагнул ближе. От него пахло потом и спиртным, но твёрдости в ногах было больше, чем у остальных. – Ты с нами сидишь, Берг. Ты в одной шинели с нами. Так почему ты отдельно?

– Я сижу здесь же, где и вы, – спокойно ответил Маттиас. – Просто я не пью.

– А мы пьём, да? Мы, значит, свиньи? – Кёлер обвёл рукой остальных. – Мы тут с тобой в одном дерьме сидим, пули одни и те же над головой свистят, а ты носик воротишь?

Тишина повисла тяжёлая, как мокрая шинель. Браун поднял голову от штопки, перевёл взгляд на Маттиаса. Шмидт перестал трястись, уставился с интересом.

Matthias klappte das Buch vorsichtig zu, den Finger zwischen den Seiten. Die Brille glitzerte im Kerzenlicht.

– Фриц, сколько тебе лет?

– Тридцать два. А что?

– А мне двадцать четыре. У тебя жена и двое детей в Лейпциге, да?

– Ну.

Маттиас кивнул на кружку в руке Кёлера.

– Если я выпью сейчас, завтра в шесть утра, когда начнётся артподготовка, моя голова будет трещать, как ржавое ведро. Руки будут трястись, как у Шмидта. – Шмидт дёрнулся, но смолчал. – А ты, Фриц, ты мясник. Ты здоровый. Ты можешь себе позволить. Ты выпьешь, проспишься, и завтра всё равно пойдёшь и зарежешь француза, как тушу. У тебя рефлекс. А у меня нет рефлекса. Я учитель. Вернее, был учителем. Я должен думать.

Кёлер замер с кружкой в руке. Лемке отложил винтовку.

– Ты хочешь сказать, я тупой? – тихо спросил Кёлер.

– Я хочу сказать, что война для тебя – работа. А для меня – катастрофа. И я не хочу встречать катастрофу с похмелья. Потому что тогда я не успею убежать, если надо будет бежать. Или не успею прицелиться. А я хочу выжить, Фриц. И я хочу, чтобы ты выжил.

Тишина стала звонкой.

Лемке вдруг засмеялся – сухо, неприятно.

– Слышь, Берг, а ты, оказывается, трус. Просто трус. Прикрываешься книжками и очками, а сам боишься.

Маттиас медленно перевёл взгляд на Лемке. Посмотрел на него долго, изучающе. Потом сказал тихо:

– Да, Бертольд. Я боюсь. Каждую минуту. Если ты не боишься – ты или дурак, или мёртвый. Я не хочу быть ни тем, ни другим.

Лемке встал. Рука его легла на ремень.

– Ты...

– Сядь, – вдруг рявкнул Браун, пожилой резервист. Голос у него оказался неожиданно твёрдым. – Сядь, Лемке. Он прав. Ты нажрался вчера, помнишь, что было? Чуть под снаряды не полез.

Лемке дёрнулся, но сел.

Кёлер стоял посреди землянки, глядя на Маттиаса. Потом вдруг усмехнулся, покачал головой и плеснул из банки себе ещё.

– Чёртов учитель, – буркнул он, но злости в голосе уже не было. – Всё-то ты знаешь. Всё просчитал.

– Не всё, – Маттиас снова открыл книгу. – Например, я не знаю, какого цвета небо над Лейпцигом сейчас. А хотел бы знать.

Шмидт вдруг всхлипнул. То ли от нервов, то ли вспомнил что-то своё.

Кёлер сел на нары, сделал большой глоток и долго смотрел на огонь в печке.

– Ладно, Берг, – сказал он наконец. – Сиди со своей книжкой. Но завтра в атаке, если что, я на тебя рассчитываю.

– Я буду рядом, Фриц. – Маттиас не поднял глаз. – Обещаю.

Die Kerze brannte nieder. За стеной, где-то далеко, снова загрохотало.

СЦЕНА: «ШЕСТЬ УТРА»

Ноябрь 1916 года. Немецкие окопы перед атакой. 5:45.

— —

Антураж

Серый, тяжёлый рассвет. Туман стелется по ничьей земле, скрывая воронки и колючую проволоку. Пахнет сыростью, гнилой капустой с кухни и тем особенным холодком, который бывает только перед атакой – когда воздух будто густеет.

Солдаты собираются в траншее. Молятся, проверяют затворы, переминаются с ноги на ногу. Лица у всех одинаковые – серые, как шинели.

— —

Маттиас не спал.

Он лежал на нарах, глядя в потолок, и слушал, как храпит Кёлер, как скрежещет зубами во сне Шмидт, как тихо бормочет что-то Браун – наверное, имена детей. Лемке ворочался и зло вздыхал – обида не давала уснуть.

В пять утра пришёл связной. Постучал костяшками по косяку двери, бросил коротко:

– Через час. Готовьтесь.

И ушёл.

В землянке никто не сказал ни слова. Все и так знали. Все и так не спали.

Маттиас поднялся первым. Надел шинель – она за ночь отсырела, но он всё равно застегнул все пуговицы, до самого верха. Проверил винтовку. Магазин полон. Затвор ходит мягко – он чистил оружие вчера, при свете той самой свечи, пока читал.

Потом достал из кармана камень.

Небольшой, с кулак, тёмно-серый, с белыми прожилками кварца. Нашёл его ещё в учебке, на стрельбище. Просто поднял и сунул в карман. С тех пор носил с собой. Иногда, когда становилось совсем тошно, проводил пальцем по прожилкам – и думал о том, что этому камню миллионы лет. Что он видел всё. И что война для него – просто мгновение.

– Берг, – хриплый голос Кёлера вырвал из мыслей. – Идём.

Кёлер стоял в проходе, уже одетый, при полном снаряжении. Лицо спокойное, собранное. Мясник, который идёт на работу.

Маттиас кивнул, спрятал камень обратно в карман, повесил винтовку на плечо.

В траншее было тесно. Человек сорок втиснулись в узкий ход, прижимаясь к стенкам. Кто-то курил, жадно затягиваясь, хотя курить запрещали – дым видно. Кто-то шептал молитву. Кто-то просто смотрел в одну точку.

Шмидта трясло. Откровенно, крупно, так что зубы стучали. Он пытался сжать винтовку покрепче, но пальцы не слушались.

– Шмидт, – тихо позвал Маттиас.

Шмидт дёрнулся, посмотрел на него белыми глазами.

– Дыши, – сказал Маттиас. – Просто дыши. Не быстро. Глубоко. Вдох. Выдох. Считай про себя.

– Я... я не могу...

– Можешь. Ты уже здесь. Ты уже жив. Осталось ещё немного.

Кёлер покосился на них, но ничего не сказал.

Лемке стоял поодаль и смотрел на Маттиаса с кривой усмешкой.

– Учитель, – процедил он. – Психолог хренов. Посмотрим, как ты запоешь, когда начнётся.

Маттиас не ответил.

Где-то вдалеке, с французской стороны, захлопали первые выстрелы. Снайперы просыпались. Или просто нервные.

А потом небо взорвалось.

Свист нарастал быстро – Маттиас научился различать этот звук. Сначала далёкий, будто комар звенит, потом всё ближе, ближе, и в конце – оглушительный вой, от которого закладывает уши.

– Ложись! – заорал кто-то.

Но ложиться было некуда. Траншея – узкая щель. Все просто пригнулись, вжались в стенки.

Первый снаряд упал метрах в ста позади. Земля дрогнула, в уши ударило, и тут же посыпались комья грязи.

Второй. Третий. Десятый.

Мир превратился в грохот.

Шмидт зажал уши руками, выронил винтовку, сел на дно траншеи и закричал. Крик его тонул в разрывах, но Маттиас видел открытый рот и побелевшее лицо.

– Вставай! – Маттиас рванул его за шиворот. – Вставай, твою мать!

Шмидт не слышал. Не видел.

И тут в десяти метрах слева – прямое попадание.

Маттиаса швырнуло на стенку. В голове зазвенело. Он тряхнул головой, протер глаза – и увидел, что часть траншеи просто исчезла. На её месте – дымящаяся воронка, а по краям... по краям лежали те, кто стоял там минуту назад.

Браун. Пожилой резервист, отец троих детей, сидел, прислонившись спиной к стенке, и смотрел в небо. Глаза открыты. Рот открыт. Из груди, там, где осколок вспорол шинель, медленно растекалось тёмное пятно.

– Браун! – Маттиас подскочил к нему, схватил за плечи. – Браун!

Браун моргнул. Живой.

– Холодно... – прошептал он. – Почему так холодно, Берг?

Маттиас рванул ворот шинели, пытаясь понять, куда попал осколок. Руки сразу стали липкими и красными.

– Санитара! – заорал он. – Санитара сюда!

Кёлер возник рядом, пригнувшись. Глянул на Брауна, на кровь, на руки Маттиаса – и коротко бросил:

– Поздно.

– Не поздно! Он живой! Он говорит!

– Берг, – Кёлер схватил его за плечо и рванул на себя. – Смотри.

Маттиас поднял голову.

Над бруствером, в разрывах тумана, уже были видны фигуры. Французы. Они шли в контратаку.

– Сейчас нам будет не до Брауна, – голос Кёлера был спокоен, как у мясника перед разделкой туши. – Ты обещал быть рядом. Вспомни, что ты говорил про рефлексы

Маттиас перевел дух, глянул на Брауна, на тех, кто к ним приближался, и на свое оружие,

Кровь на руках была тёплой.

СЦЕНА: «РЕФЛЕКС»

Ноябрь 1916 года. Разбитая траншея. 6:10 утра.

– —

Маттиас смотрел на Брауна.

Старый резервист уже не звал детей. Он просто сидел, привалившись к стенке, и смотрел перед собой остановившимися глазами. Грудь ещё вздымалась – редко, мелко, натужно. Но взгляд уже уходил куда-то туда, где не было ни французов, ни немцев, ни серых шинелей.

– Берг! – рывкнул Кёлер. – Ты слышишь меня?

Маттиас слышал.

Он слышал свист пуль над головой. Слышал крики французов, нарастающие в тумане. Слышал, как Лемке матом приказывает кому-то заряжать. Слышал стук собственного сердца – тяжёлый, как кувалда по рельсу.

И ещё он слышал голос Брауна: «Холодно...».

Маттиас разжал пальцы, выпуская окровавленный ворот шинели.

– Прости, – сказал он тихо.

Браун не ответил. Может, уже не слышал. Может, просто не мог.

Маттиас поднялся. Колени дрожали. Он шагнул к своей винтовке, валявшейся в грязи, поднял её. Приклад был в чужой крови. Он вытер его рукавом – машинально, не думая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.